

Виталий Бернштейн

Долгий полет

Виталий Бернштейн
Долгий полет

«Автор»

2006

Бернштейн В.

Долгий полет / В. Бернштейн — «Автор», 2006

© Бернштейн В., 2006

© Автор, 2006

Содержание

1	5
2	7
3	8
4	10
5	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Виталий Бернштейн

Долгий полет

1

Снаружи, за стеклянной – от пола до потолка – стеной аэропорта, висели в небе низкие, мохнатые тучи. Между ними, заходя на посадку, осторожно протискивался грузный, пузатый самолет. Кое-где на асфальте мокли желтые листья – конец сентября, лето во Франкфурте, видимо, уже кончилось.

А в Тель-Авиве, откуда час назад прилетел Борис, еще стояла душная жара, воздух был пропитан пылью и мелким песком. «Хамсин» – так, вроде бы, называют эту погоду аборигены. На Ромке Гельмане, который поехал в аэропорт Бен-Гуриона, чтобы проводить друга, были одеты легкая рубашка и шорты. Из-под шорт торчали кривые Ромкины ноги. Покрытые седыми волосками и фиолетовыми буграми вен, они при каждом шаге неуверенно, по-стариковски, шаркали подошвами по полу. А когда-то ноги эти мощно подбрасывали Ромку, который играл за сборную их института, над волейбольной сеткой. И его яростный удар левой – он был левша – посылал мяч на площадку противника.

А еще в молодости был Ромка заядлым танцором. В первые послевоенные годы в кинотеатрах часто шли западные, «трофейные», фильмы. В каком-то из таких фильмов он и подсмотрел, как надо по-настоящему танцевать аргентинское танго. Его томные па приводили девиц в восторг. Еще тот был гуляка...

Сидя в кресле, недалеко от стойки для регистрации пассажиров, Борис скользил безразличным взглядом по тусклому, осеннему пейзажу за стеклом. Билеты для поездки в Израиль он приобрел в турагентстве полтора месяца назад. Для обратного перелета из Франкфурта в Вашингтон ему зарезервировали место на рейсе 418. На два с половиной часа раньше вылетает в Вашингтон рейс 416, тоже беспосадочный, но на него все билеты были проданы. Однако болтаться сегодня лишние часы в аэропорту Борису не хотелось. Поэтому, прилетев из Тель-Авива, он подошел на всякий случай к стойке, где уже шла регистрация пассажиров на рейс 416. Белобрысая девица в застегнутой на все пуговицы темно-синей форме «Люфтганзы» предложила ему подождать. Если кто-то из обладателей билетов не придет на регистрацию, освободившееся место можно будет предоставить пассажиру следующего рейса. Так и получилось, место для Бориса нашлось.

Народу у стойки рейса 416 скопилось много. Вот они – ждут начала посадки, негромко переговариваются на разных языках: английском, немецком, французском. Где-то сбоку прозвучала короткая фраза, вроде бы по-русски. Борис повернул голову, но среди сидящих никого из «своих» распознать не сумел.

Неподалеку расположилась молодая парочка. Оба смуглолицые, держатся за руки, сладко улыбаются друг другу. На ней – белый платочек завязан узелком ниже подбородка, широкая юбка до щиколоток. Арабы, вроде? Парень наклонился к сумке на полу – на макушке темнеет кипа. Понятно, никакие не арабы – ортодоксальные евреи. Борису и в Израиле не всегда удавалось отличить на улице еврея от араба. Гены-то общие. И те, и другие ведут родословную от праотца Авраама.

Решение съездить в Израиль, поглядеть на «историческую родину» пришло к Борису как-то исподволь. И Ветхий завет, и Новый он перечитывал не раз. Признавал их великими философскими и художественными произведениями. Гордился, что эти нетленные тексты написаны сынами еврейского народа. Но к религиозным людям себя не относил – не то воспитание по молодости получено было. Да вот и ему пришла пора о высоком подумать. Старый уже, за

семьдесят. Хочешь, не хочешь – жизнь кончается. Пенсию в Штатах, куда двадцать с лишним лет назад удалось вырваться из страны «победившего социализма», заработал. Жену Лизочку два года как похоронил. Сын Андрюшка давно вырос, скоро уже тридцать будет – свои дела, заботы, карьеру военную делает. Если сейчас не съездить в Израиль, позже и сил не станет. А ко всему, живет в Тель-Авиве давний дружок Ромка, один из немногих, оставшихся на этом свете, кто помнит Бориса еще мальчишкой.

В школьные годы они учились в одном классе, потом – в одной группе института. После окончания энергоинститута Ромка так и остался в Иванове. Работал на местной электростанции, с годами достиг должности главного инженера. А Борису подфартило – несмотря на «пятую графу», сумел поступить в московскую аспирантуру, через три года защитился. Там же, в Москве, встретил свою Лизочку. У себя в НИИ продолжал заниматься научной работой, стал завлабом, потом и докторскую защитил.

После института его дружеские отношения с Ромкой не прерывались. На праздники звонили друг другу. Раз-другой в году Ромка приезжал из Иванова в командировку, чтобы обсудить в своем главке текущие вопросы. В такие вечера засиживались они на кухне у Бориса. На столе – запотевшая бутылочка из холодильника. У плиты суетится улыбающаяся Лизочка, готовит для них что-нибудь вкусненькое. Она любила принимать гостей. А уж к Ромке относилась лучше всех. Если время было позднее, стелила Лизочка разомлевшему Ромке на диване в гостиной. Хотя для него секретарша из главка всегда бронировала номер в какой-нибудь центральной гостинице.

В годы брежневского «застоя» Борис решил эмигрировать. Отнес в ОВИР свое заявление – и выгнали его тут же с работы. Но, слава Богу, выпустили, не так долго и мурыжили, всего-то девять с половиной месяцев. Ромка тогда приезжал прощаться. Ненавидел он советскую власть ничуть не меньше Бориса. Но эмигрировать не решался, говорил: жена, третья по счету, возражает. А ко времени, когда развалился Советский Союз, Ромка уже был вольным орлом – с женой развелся. И несколько лет назад уехал в Израиль, где доживал свой век бобылем. Получил квартирку в Тель-Авиве, пособие по старости тоже.

2

Белобрысая девица в форме «Люфтганзы» наклонилась к микрофону на стойке и объявила о начале посадки. Длинная очередь пассажиров выстроилась у входа в рукав, что идет к «Аэробусу».

Место 31-А было у стенки. Запихнув на полку под потолком свою дорожную сумку, Борис уселся, попытался вытянуть ноги. Этому мешала спинка кресла впереди. Вот так и сидеть теперь, а полет долгий, девять часов – ноги устанут, затекут. В соседнем салоне бизнес-класса расстояние между рядами кресел побольше, сидеть удобнее. Не говоря уже о салоне первого класса, что расположен в головной части самолета. Там спинку кресла можно даже перевести в почти горизонтальное положение и выпастись более или менее по-человечески. Но и цены куда дороже... Ничего, перебьется.

Соседние места, 31-В и 31-С, заняла та самая парочка евреев-ортодоксов, на которых Борис обратил внимание перед посадкой. Когда самолет вздрогнул и медленно двинулся в сторону взлетной полосы, парень в кипе повернул голову к Борису и тихо спросил что-то на незнакомом горланном языке.

– Простите, но я не говорю на иврите, – ответил по-английски Борис.

Парень, чуть помолчав, повторил вопрос по-английски – с таким скрипучим акцентом, что даже собственное произношение показалось Борису совсем неплохим.

– Вы не знаете, какая сегодня погода в Исламабаде?

– Да откуда ж я знаю, – Борис недоуменно пожал плечами. И тут сообразил, что фразу эту произнес по-русски. Он сразу поправился: – Ай ду нот ноу...

Парень в кипе как-то растерянно посмотрел на Бориса. Скользнул взглядом по редким пучкам седых волос на его голове. Потом наклонился к спутнице, шепнул что-то на ухо. Та, не поворачивая головы, облизнула кончиком языка губы, ничего не ответила. Ее тонкие пальцы сжали ремешок дамской сумочки на коленях.

«Что за дурацкий вопрос, – подумал Борис. – Летим в Вашингтон, а он спрашивает, какая погода в Исламабаде... Ромка, кстати, залезал в Интернет перед тем, как ехать в аэропорт, посмотрел сводку погоды... Сегодня в Вашингтоне – тепло и без осадков».

Вдоль прохода заскользила миловидная стюардесса, проверяя – не забыл ли кто пристегнуть себя ремнем к креслу. Следом за ней шел толстяк с тонкими усиками, тоже в темно-синей форме «Люфтганзы». Он захлопывал дверцы на полках для ручного багажа, чтобы в полете, избави Боже, какая-нибудь сумка не свалилась на голову пассажира. На мгновение остановился возле Бориса, окинул быстрым взглядом его и парочку, что сидела рядом. Потом продолжил свой путь дальше, в хвостовую часть.

3

Квартирка Ромки, у которого остановился Борис, располагалась в одном из старых домов в районе улицы Дизенгофа. До пляжа рукой подать. По утрам Ромка и Борис ходили на этот роскошный пляж. Покачивались, лежа спиной на теплой средиземноморской волне, вспоминали, как пацанами купались в Уводи, речушке, что протекает через Иваново. Существовала примета: мол, купальный сезон в ней надо начинать «после трех громов». То есть когда к началу июня успеют, как обычно, пройти три грозы. Так учили старшие. Но их, понятно, не очень-то и слушали. Уже в середине мая – на спор – мальчишки, зажмурив глаза и зажав пальцами носы, прыгали с мостков в холодную, мутную Уводь. А через минуту, посинев и дрожа, выскакивали на берег, матерились, как извозчики на рынке. На том самом грязном ивановском рынке, у которого было такое поэтическое название – «Барашек»...

Хорошо все-таки, что они с Ромкой сумели еще раз свидеться в этой жизни. Встреча с другом, через столько лет, вызвала в душе Бориса такое трогательное, щемящее чувство. Он вглядывался в незнакомое, морщинистое лицо Ромки – и вдруг толстые губы у того кривила прежняя шальная улыбка, а в глазах, красноватых, слезящихся, вспыхивал на мгновение давний мальчишеский огонек. Сидя друг против друга за крохотным столиком на кухне, сквозь окно которой в просвете между домами был виден кусочек улицы Дизенгофа, они возвращались памятью в молодые годы.

– Нет, а ты помнишь, дружище, как пошли мы раз на танцульки в парк? – спрашивает Ромка.

– Мы туда частенько наведывались. Какой поход ты имеешь в виду?

– Помнишь, на четвертом курсе – после того, как сдали экзамены в летнюю сессию?... И вот стоишь ты чуть в сторонке от меня, девочек разглядываешь, решаешь, какую одарить приглашением на танец. Подходит к тебе парень в кепочке. Здоровый такой, но, правда, уже малость поддатый. Тычет в твою грудь пальцем с обкусанным ногтем. Мол, пошел вон с нашей танцплощадки, жидовская морда. Стоит спокойный, расслабленный, в двух шагах его приבלатенные кореша хохочут. Тут я мягко поворачиваюсь и бью его крюком в челюсть.

– Вспомнил: левой бьешь!

– Летит кепочка в одну сторону, сам парень валится в другую. Подскакивает вся его шобла. Еще секунда – и начнется... Но вырастают у нас за спиной молчаливые ребята из нашей группы. Один Леха Фомичев, кого хочешь, напугать может. Стоит, набычив голову, косая сажень в плечах. Застеснялась сразу эта шобла, хватает своего дружка под мышки, оттаскивает на скамейку – подальше в аллею. Даже кепочку на полу забыли. Я ее подобрал, так вежливо им вручил... Хорошая у нас группа была. Кроме нас с тобой – русские ребята. Да только «пятой графой» этой и не пахло.

– Верно. Не по «графе» – по совести о человеке судили... А ведь Леха потом с тобой на ТЭЦ работал. Как он, жив еще?

– Шутишь, дружище... По статистике, средний срок жизни нормального русского мужика – пятьдесят восемь лет. Давно погиб наш Леха на боевом посту – в неравной борьбе с проклятым зеленым змием.

– Да будет земля ему пухом. Давай выпьем за Лехину память...

Выпили. Ромка подцепил вилкой кусок селедки, купленной в «русском» магазине неподалеку, положил ее вместе с тонким кружком лука на корочку черного хлеба, отправил все в рот.

– Хорошо сидим, дружище... Детство наше и юность на страшные годы пришлись. Помнишь? Сталинщина кровавая. Война, голод. Послевоенная разруха... А вот сейчас спрашиваю себя: когда чувствовал себя счастливее всего? И отвечаю: в детские и юношеские годы. Навер-

ное, в ту пору восприятие мира совсем другое – несмотря ни на что, он прекрасным кажется... Кстати, о Лехе нашем. Слышал ли ты, что в зрелом уже возрасте он в партию «наступил»?.. После этого сидели мы с ним как-то вдвоем, поддавали по маленькой. Я его ни о чем не спрашивал, а он сам вроде как оправдываться начал. Мол, если порядочные люди будут вступать в партию, она постепенно другой станет, покается перед народом за все потоки крови... Черта с два.

– Знаешь, Ромка, я ведь тоже в партии чуть однажды не оказался... Не рассказывал тебе?

– Ты?.. Не может быть.

– Вот слушай. Защитил я докторскую, заведу спокойно лабораторией в НИИ нашем. И тут вызывает меня директор. «Борис Абрамыч, вы знаете, у нас освободилось место замдиректора по науке. Я в министерстве посоветовался, мы сошлись во мнении, что ваша кандидатура подходит». В башке моей сразу счетчик заработал. Завлаб, доктор наук, получает в институте первой категории пятьсот в месяц, а замдиректора – пятьсот пятьдесят. Разница небольшая. Но должность замдиректора в нашем институте давала одно серьезное преимущество – служебную машину с шофером. Вот и согласился я, дурачок. О последствиях не подумал... Несколько дней прошло, сижу в новом кабинете, замдиректорском. Открывается дверь. Покачивая пышным задом, заходит парторг. За глаза мы ее просто Нелечкой звали. Вроде бы, спала она с директором – но это, как говорится, их дело. Начинает она с места в карьер: «У меня для вас, Борис Абрамыч, радостная новость. Вы же знаете, как непросто теперь интеллигенту в партию вступить. Рабочему или колхознику – много легче. Но я была в райкоме, объяснила ситуацию. Выделили они для замдиректора, для вас то есть, одно место. Вот вам книжечка заветная – устав нашей партии. Почитайте, подготовьтесь. Через три дня – партсобрание, там вас принимать будем. Поздравляю от души!» Представляешь?.. Я от неожиданности прямо замер. Сказать ей правду, как я ненавижу партию эту, отказаться впрямую – нельзя. Ведь отказ будет воспринят как открытый антисоветский поступок. Со всеми вытекающими последствиями. Что делать?

– Влип ты...

– Бормочу я скороговоркой, что быть принятым в партию – огромная честь для меня. Но вот, не хочу с халтуры начинать пребывание в рядах партии нашей. Не успею я за три дня изучить устав понастоящему... Нелечка подняла удивленно бровки. Но потом согласилась: мол, готовьтесь тогда к следующему партсобранию, будет через месяц. А через месяц, преданно заглядывая ей в глаза, снова бормочу то же самое – что еще не готов, устав запомнить ну никак не могу. Бросила она на меня задумчивый взгляд, ничего не сказала. И на следующий день вызывает директор. Глядя куда-то в стенку, говорит: «Знаете, Борис Абрамыч, мы тут посоветовались... Возвращайтесь-ка вы обратно на заведование лабораторией». Я так рад был... Более серьезных оргвыводов, слава Богу, не сделали.

– Дружище, ведь в то мерзкое время даже это был поступок с большой буквы. К сожалению, все мы героями не были. Загоняли нас на их общие собрания, насквозь лживые. Сидели мы, помалкивали. А когда предлагали проголосовать «за», послушно тянули лапки кверху. И все же, все же хоть в чем-то старались сохранить душу живую не загаженной... Помнишь, как Александр Сергеевич тоже в непростые времена (а когда они в России-матушке простыми были?) написал: «Умейте сохранить и в подлости осанку благородства»... Что же, есть повод выпить. Давай за него – за нашего незабвенного Александра Сергеевича.

4

Встретить Бориса в вашингтонском аэропорту Рейгана собирался сын Андрюшка на своей «тойоте». Два дня назад он позвонил Борису в Тель-Авив, записал номер рейса из Франкфурта в Вашингтон и время прибытия. Только сейчас Борис сообразил: о том, что он поменял рейс, сын не знает. Ну, да ничего страшного. Весь багаж Бориса – сумка, что лежит на полке наверху, не такая и тяжелая. Сам доберется, их многоквартирный дом в двух шагах от остановки метро. Только надо не забыть прямо из аэропорта позвонить Андрюшке и предупредить – пусть со своей военной базы едет домой.

Детей у них с Лизочкой долго не было. А потом, когда ей было уже под сорок, родился долгожданный Андрюшка. «Поскребыш», как говорила счастливая Лизочка. Сын рос молчаливым, не по возрасту серьезным. Когда они приехали в Штаты, ему было всего-то четыре с половиной годика. Борис и Лизочка поставили задачу – сын не должен забывать родной язык. Для этого они специально привезли с собой несколько детских книжек. Борис учил Андрюшку русским буквам, показывал, как из них образуются слова. Чтобы заинтересовать сына, Борис начинал читать вслух какую-нибудь простенькую сказку, а в середине останавливался, протягивал тому книжку – дальше, мол, сам. Однажды они с Андрюшкой трудились таким образом над сказкой, написанной Толстым, – о льве и о маленькой собачке, которая прижилась в зоопарке, в клетке у льва. Тот собачку не трогал, даже любил. В конце сказки собачка умирает. Борис помнит, как горько разрыдался сын, дочитав до этого места. Добрым был. Таким и остался...

Когда после окончания школы их мягкий, деликатный мальчик вдруг сообщил о решении записаться в армию, для Бориса и Лизочки это стало неожиданностью. Одним из доводов Андрюшки было то, что военная служба дает возможность получить высшее образование – не надо для этого тянуть деньги из родительского кармана. И поставленной цели сын добился. Продолжая службу, сумел окончить и колледж. Диплом в рамочке Андрюшка гордо повесил на стенке в своей комнате. Имя и фамилия в дипломе выглядели вполне по-американски – Эндрю Леви. Эндрю – это тот же Андрей. А фамилию он подсократил, вместо Левитина стал Леви... В военной авиации сын уже дослужился до капитана, пилотировал самую современную модель истребителя. Его военно-воздушная база располагалась в Вашингтоне – на левом берегу Потомака.

Свободное от службы время офицерам разрешалось проводить за пределами базы, жить вместе с семьей. Андрюшка, еще холостяк, жил с родителями. Это, конечно же, очень облегчило Борису уход за Лизочкой, когда три года назад нежданно-негаданно у нее случился обширный инфаркт. Ей все-таки удалось выкарабкаться, но состояние оставалось тяжелым. Даже несколько шагов по комнате сопровождалась аритмией. Не раз приходилось вызывать «скорую» и мчаться в больницу, чтобы снять развивающийся отек легких. Еще почти пятнадцать месяцев Лизочка так потянула. И эти месяцы Андрюшка отдавал ей все свободное время, бегал в аптеку за лекарствами, в магазин за продуктами. В качестве сиделки оставался вместо Бориса, когда тому нужно было сходить куда-нибудь по делам. На кресле с колесиками выводил мать в хорошую погоду на балкон, укладывал ее там на диванчик.

На еврейском кладбище, тихом, с аккуратно подстриженной травой, похоронив Лизочку, они долго стояли вдвоем у засыпанной могилы. Обнявшись, плакали...

Борису было двадцать пять, а Лизочке восемнадцать, когда они поженились. Их ранний брак можно смело назвать счастливым. Поэтому их немного тревожило, что Андрюшка никак не женится. Были у сына разные девицы, звонили ему, щебетали по-английски. Домой, чтобы показать родителям, он их не приводил. Видимо, ничего серьезного. Да и что за жена может получиться из современной молодой американки – прежде всего о карьере думает. Семья, дети

– потом. Лизочка собиралась поискать для Андрюшки хорошую невесту среди «своих», приехавших из России. Болезнь помешала.

5

Сегодня Андрей приехал на базу рано, к семи утра. С девяти и до тринадцати его истребителю F-22 предстояло нести патрульную службу. Круглосуточная охрана воздушного пространства над американской столицей – главная задача их эскадрильи.

На командном пункте, наклонив лысину к мерцающим экранам, сидел подполковник Эриксон, заместитель командира эскадрильи. Он только что заступил на дежурство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.